

Щедрина Ирина Олеговна

**САМОСОЗНАНИЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор, академик РАН
В. А. Лекторский

Москва, 2018

Работа выполнена на кафедре эпистемологии и логики философского факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук

Научный руководитель:

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, профессор,
академик РАН, заведующий кафедрой эпистемологии и логики ГАУГН, главный научный
сотрудник Института философии РАН

Официальные оппоненты:

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор,
руководитель Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая
школа экономики»

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры
современных проблем философии Российского государственного гуманитарного
университета

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита состоится 30 октября 2018 г. в 16.00 на заседании Диссертационного совета
Д 002.015.03 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН.

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте Института философии
РАН: <https://iphras.ru/dissertations.htm>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 002.015.03
кандидат философских наук

Е.О.Труфанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тема данной работы – познавательный статус автобиографического нарратива (от лат. *narratio* – повествование, рассказ) и, соответственно, нарративные аспекты самосознания – является актуальной для современной эпистемологии. И прежде всего потому, что в теоретико-познавательном ключе в ней рассматривается соотношение самосознания и нарратива. Эпистемологическое исследование соотношения самосознания и автобиографического нарратива касается важнейших для человека XXI века вопросов, связанных с проблемой идентичности и самоидентификации. В современном меняющемся мире моменты связи автобиографического нарратива и самосознания, индивидуальная память, зафиксированная в нарративе, осмысление человеком своей жизни приобретают особую значимость. А это значит, что их значение для современных социальных и гуманитарных исследований, акцентирующих внимание на антропологических и экзистенциальных аспектах человеческой деятельности, возрастает. И в свою очередь, они могут пролить дополнительный свет на исследования процессов самоидентификации личности в различных областях гуманитарного знания. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы создания образа индивидуального Я, и в этом же контексте появляется проблематика автобиографического нарратива как некоторой формы самообмана. Самосознание человеческого Я – традиционная область исследований психологов, однако в философском ракурсе акцент делается на само-осознании Я человеком, и потому в данном случае на передний план выходят когнитивные (эпистемологические) моменты данной тематики.

В контексте данной проблематики имеет особое значение роль Другого в построении автобиографического нарратива. При работе с текстами человек использует информацию и факты, полученные во многом от других людей. Более того, его собственные средства выражения формируются благодаря присутствию в этом мире Других. В процессе написания исповеди или дневника их автор всегда имеет перед собой образ будущего читателя. Это означает, что тема соотношения автобиографического нарратива и самосознания коррелятивна теме соотношения Я и Другого в контексте феномена признания. (Здесь необходимо уточнить, что под «признанием» понимается «*гесconnaissance*»¹; термин, тщательно проанализированный П. Рикёром.) В самом деле, эта корреляция позволяет по-новому поставить вопрос о роли Другого при построении автобиографического повествования в частности и взгляде на себя в целом. При этом актуальность соотношения

¹ В отличие от «aveu», несущего в себе смысловой оттенок вырванной тайны, и «*confession*», покаяния, исповеди, под «*гесconnaissance*» подразумевается именно признание как принятие.

автобиографического нарратива и самосознания проявляется еще и в контексте современных трактовок историзма человеческого бытия (историчности человеческой жизни). Таким образом, эпистемологический анализ проблемы соотношения автобиографического нарратива и самосознания позволяет вывести на новый уровень традиционные психологические, социологические и культурно-исторические исследования самоидентификации.

Степень разработанности проблемы

Эпистемологическая специфика соотношения самосознания и автобиографического нарратива до сих пор недостаточно проработана в философской и научно-гуманитарной литературе. Когнитивная и нарративная тематики рассматриваются, как правило, сами по себе, как некоторые структурные элементы психологических, лингвистических, культурологических, антропологических и других исследований. Отдельно изучается самосознание, отдельно нарративы, в частности автобиографические. Хотя в начале XXI века именно соотношение самосознания и нарратива привлекает все большее внимание ученых. Здесь сказывается влияние лингвистического поворота, а также особый интерес к языку как важнейшей области гуманитарной предметности. Особое место в исследовании соотношения самосознания и нарратива принадлежит Й. Брокмейеру и Р. Харре, которые проанализировали современную специфику нарративного подхода, а также проблемы наррации, идентичности и Я. В этом контексте на передний план выходят проблемы автобиографической памяти, признания, соотношение Я – Другой и т. п.

Хотя данная тематика разрабатывается в психологии, лингвистике, истории и других гуманитарных областях, в первую очередь необходимо представить философско-эпистемологические аспекты исследуемой проблематики. В настоящее время сложилось множество различных подходов к изучению самосознания; особое внимание уделяется эпистемологической специфике и неявным культурным и социальным предпосылкам человеческой самоидентификации через автобиографический нарратив.

В зарубежной философской мысли за последние два десятилетия появилось множество работ, связанных с обсуждением эпистемологического статуса сознания и самосознания. Возникают дискуссии между сторонниками реализма и антиреализма, обсуждаются возможности исследования сознания и самосознания в рамках критики релятивизма, конструктивизма, социального конструкционизма и др.

В числе ключевых исследований второй половины XX века, оказавших влияние на современное состояние проблемы сознания и самосознания, следует отметить работы Я. Хакинга, Ж.-Л. Лё Муаня, У. Найссера, Э. фон Глазерсфельда и др. (современным спорам и концепциям в когнитивных науках можно посвятить отдельное эпистемологическое исследование).

Среди отечественных философов, исследующих проблемы сознания и самосознания в эпистемологическом контексте, необходимо особенно отметить И. Т. Касавина, Е. Н. Князеву, Н. И. Кузнецову, В. А. Лекторского, В. Н. Поруса, Б. И. Пружинина, Е. О. Труфанову и др. Они критически переосмысливают существующие подходы к проблеме сознания и самосознания, а также расширяют поле современной эпистемологии, разрабатывая новые ее направления: конструктивный реализм, социальную эпистемологию, энактивизм и эпистемологический конструктивизм, эпистемологический контекстуализм, культурно-историческую эпистемологию и т. д.

В 1980–1990-х годах интерес к нарративам в контексте исследований самосознания и «Я» (в том числе и проблемы диалогичности самосознания и множественности «Я») проявляют психологи и психиатры Р. Джекендофф, Дж. Эльстер, Б. Брасен, С. Хартер, Дж. Снодграсс и Р. Томпсон, Г. Херманс и Г. Кемпен, Р. Дж. Лифтон, Р. Бернс и др., открывая тем самым возможности для дальнейших компаративистских исследований, предполагающих междисциплинарные связи между эпистемологией и когнитивной психологией, психологией и нарратологией и т. д. В рамках так называемого «когнитивного поворота» появляются исследования на стыке психологии и эпистемологии. Поворот к нарративу, связывающий его с психологией, совершили М. Уайт и Д. Эпстон, разработавшие особое направление – нарративную психологическую практику. Они подчеркивали, что реальность непрерывно конструируется во взаимодействии людей, создании историй и нарративов, непрерывных контактах в социальном, культурном и историческом контексте. Во многом на эти психологические исследования повлияли идеи Дж. Брунера о нарративной обусловленности человеческой жизни и идентичности.

Отметим также исследования, в которых пересекаются нарратология и когнитология (Т. Р. Сарбин, Я. Манфред, М. Жильбер), и работы Р. Перрона, который опирался на естественнонаучные аспекты психолингвистики в процессе самопрезентации. Кроме того, с биологическими контекстами в самопознании и самоописании (самосознание здесь выступает как особая область взаимодействий) также работали У. Матурана, Ф. Варела и другие представители энактивизма.

Помимо споров о реальности и воплощенности индивидуального самосознания и Я, важное место в работе занимают психологические исследования, связывающие самосознание с мнемическими процессами, с памятью того или иного типа (работы Э. Тулвинга, Дж. Килстрона, П. Широ, Л. Пети, Д. М. Джонса, Дж. Э. Марша, Р. У. Хьюза, Г. Коме, А. Лежёна, К. Мори-Руан), а также с идентичностью – личной, культурной, социальной, исторической (работы В. В. Нурковой, П. Уэлле, С. Ареля, Дж. Люпъен, А. Нусса, К. Россе Дж. Брокмейера и Д. Карбауха, Ю. Б. Турушевой, Е. С. Кутковой, Е. Е. Сапоговой, Ю. Е. Зайцевой). Интересны также исследования автобиографической памяти Ф. Эсташа,

Б. Дегранжа, П. Пиолино. Отдельно отметим и коллективные монографии, посвященные исследованию рабочей памяти (в некоторых русскоязычных исследованиях она также называется «оперативной»). Еще один аспект соотношения автобиографического нарратива и самосознания раскрывается в исследованиях В. Карро, С. Шовье, М. Шастена, Э. Мишон, посвященных проблеме «Я».

Напрямую связанная с нарративом и с соотношением «Я – Другой» тема признания обстоятельно исследована П. Рикёром, философские труды которого посвящены проблеме идентичности и нарратива, специфике репрезентаций и нарративов в историческом дискурсе. Не меньший интерес к проблеме самосознания и нарратива проявляют историки и методологи истории. Так, Ж.-Ф. Ревель изучает проблему сознания с исторической и цивилизационной точки зрения. Д. Карр, Ф. Глисон, П. Аршамбо обращаются к школе «Анналов», где ставились акценты на микроистории, на позиции участника истории, на восприятии событий.

В отдельную группу можно выделить современные филологические и лингвистические исследования нарратива и нарративности (труды С. Н. Зенкина, А. В. Борисенковой, В. И. Тюпы, В. Л. Лехциера, Д. Кон, В. Шмида, Д. Хермана, Ф. Реваз, М. Флудерник², С. Чатмана и др.). Отметим также ставшие с 1960-х годов классическими исследования Ц. Тодорова, Ж. Женетта, А.-Ж. Греймаса, Ж. Принса. Нарративные категории по-новому рассматриваются в таких направлениях современной нарратологии, как, например, неестественная (unnatural) нарратология, трансмедиальная, когнитивная, функционалистская и историческая). В настоящее время действует международный проект «Теория и интерпретация нарратива», в рамках которого были изданы «Нарративный дискурс: авторы и рассказчики в литературе, кино и изобразительном искусстве» П. Хогана, «Нарративная теория: центральные концепты и критические дебаты» Д. Хермана, Дж. Фелана, П. Рабиновича, Б. Ричардсона и Р. Уорхол, «Реальные тайны: нарратив и непостижимое» П. Эббота, а также «Неестественный нарратив: теория, история и практика» Б. Ричардсона.

С лингвистической, культурологической и исторической точек зрения изучал феномен автобиографии Ж.-Ф. Куро. Соотношение личного и выставляемого на обозрение в автобиографическом нарративе стало предметом интереса С. Юбье. Ф. Гаспарини в своих работах изучал автобиографию именно как жанр, выявляя ее специфику. Дальше всех по пути типологизации пошли С. Смит и Дж. Уотсон, выделившие в 2001 году пятьдесят два вида автобиографического нарратива. В числе исследователей феномена автобиографии необходимо отметить супругов Дж. и Э. Лекарм, Д. Занона, М. Майар, П. Малерье, Г. Мэй и Дж. А. Мелмана, а также Д. Миро. Однако ключевой фигурой в истории автобиографических исследований является один из основателей и фактически лидер

² В транскрипции А. Жулитовой – Флудерник, у В. Шмида – Флудерник.

«Ассоциации в защиту автобиографии и автобиографического наследия» во Франции Ф. Лежён.

Представленные философские, методологические, психологические, филологические исследования позволяют с разных сторон взглянуть на культурно-исторические и когнитивные факторы в становлении самосознания и человеческой идентичности, а также на соотношение самосознания и автобиографического нарратива в различных дисциплинарных ракурсах.

Объект исследования: самосознание как эпистемологический феномен.

Предмет исследования: феномен самосознания в автобиографическом нарративе.

Цель исследования: осуществить эпистемологический анализ соотношения самосознания и автобиографического нарратива.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

представить и проанализировать существующие трактовки самосознания как самопереживания, как индивидуальной памяти и как образа Я;

осмыслить значение автобиографического нарратива (рассказов о себе, исповедей и дневников) в формировании индивидуального самосознания;

сопоставить реалистические и конструктивистские методологические стратегии в подходе к «нарративному» самосознанию и продемонстрировать эпистемологическую значимость конструктивного реализма в исследовании самообмана;

выявить эпистемологическую специфику «нарративного» самосознания как рассказа для себя и рассказа для других;

рассмотреть эпистемологические характеристики «признания» как нарративного феномена;

уточнить место Другого в построении автобиографического нарратива.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования

Нарратив и нарративный подход в данной работе рассматриваются как концептуальные составляющие нарративизма – одного из направлений мысли XX века, – который наряду с конструктивизмом и релятивизмом обыкновенно противопоставляется реализму. Речь идет о методологическом использовании нарративного подхода к исследованию процессов выражения самосознания и индивидуального Я.

Кроме того, поскольку данное исследование во многом опирается на концепцию различения классической и неклассической эпистемологии (в трудах В. А. Лекторского), важно разграничить два понимания самосознания. В классической эпистемологии самосознание – это «сознание существования собственного Я и принадлежащих ему состояний сознания». В неклассической эпистемологии самосознание получает различные трактовки, среди которых выделяется «самосознание Я», как «получение знания об

особенностях данной личности, ее возможностях, ее стремлениях и о соответствии реального и идеального Я, то есть не самовосприятие, а некоторая теория». Неклассическая трактовка самосознания Я, зафиксированная Лекторским, во многом соответствует понятию «индивидуальное самосознание» у современных психологов (иногда они называют его «Я-концепцией»). Между классической трактовкой самосознания как самовосприятия и неклассической трактовкой самосознания Я как индивидуального знания о самом себе разница в том, что для классической эпистемологии это индивидуальное самосознание может и не выражаться в языке, а в неклассической оно связывается с высшей формой самопознания – рефлексией (в отличие от самопознания представлений, эмоций и т. п.).

В рамках данной работы, с одной стороны, именно индивидуальное самосознание (самосознание Я в неклассическом смысле) выступает в роли некоторого плацдарма для истории, для нарратива, а с другой – оно появляется именно благодаря нарративу, как особой возможности выражения в языке своего знания о себе. Выбор понятия «самосознание» (или индивидуальное самосознание) позволяет рассматривать познавательные феномены (Я, автобиографическая память и автобиографический нарратив) в их связи и отношении. Особую эпистемологическую специфику в данном случае приобретает именно автобиографический нарратив.

Методологической основой для исследования нарративов в данной диссертации стали исследования Р. Харре и Й. Брокмейера, которые выявляют специфические особенности нарратива, выделяющие его среди других типов дискурсов. Книга П. Рикёра «Путь признания: три очерка» позволила рассмотреть специфику признания и самопризнания в рамках нарратива. Концепция «автобиографического пакта», описанная в работах ведущего исследователя автобиографических нарративов Ф. Лежёна («Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique», «L'autobiographie en France» и «On diary»), позволила выявить эпистемологическую специфику нарратива.

При работе с историческими источниками в диссертации взят за основу принцип «двойной историзации», предложенный П. Бурдые в работе «За рационалистический историзм». В связи с тематической дифференциацией источников и литературы используется метод историко-философского исследования и применяется компаративистский анализ.

Источниковедческая база

Источниковедческой базой исследования являются автобиографические нарративы (исповеди, дневники, автобиографии). «Исповедь» Августина позволяет лучше раскрыть специфику самосознания в контексте вопроса индивидуальной памяти; «Исповедь» Руссо, «Моя жизнь» Д. Юма, дневниковые записи Людовика XVI и маргиналии из «Кабинета рукописей национальной библиотеки» Л. Делиля демонстрируют функциональную

дифференциацию нарратива, а также специфику излагаемого в нарративе образа Я; «О моей жизни» Дж. Кардано является примером следования «автобиографическому пакту», заметки Леонардо да Винчи раскрывают эпистемологические аспекты нарративного акта; «История Историка» А. Я. Гуревича позволяет глубже проникнуть в особенности «нарративного» самосознания с точки зрения профессионального историка.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1) Представлены и проанализированы существующие трактовки самосознания как самопереживания, как индивидуальной памяти и как образа Я. Показано, что в современных гуманитарных исследованиях самоидентичности, самоописания и построения образа Я нарратив выступает в качестве выраженной предметности самосознания.

2) В процессе анализа концепции «автобиографического пакта» Ф. Лежёна выявлена эпистемологическая специфика автобиографического нарратива, которая состоит в том, что человек, рассказывая историю, получает возможность выражения своего знания о себе, то есть берет свое самосознание под контроль и акцентирует на этом внимание.

3) Проанализированы реалистические и конструктивистские методологические стратегии в подходе к нарративному самосознанию. В процессе исследования самообмана продемонстрирована методологическая эффективность конструктивного реализма, в основании которого лежит тезис о том, что любая конструкция (в том числе «Я») предполагает конкретную реальность.

4) Обоснован тезис о том, что нарративизация самосознания позволяет вырваться за пределы самозамкнутого субъекта, а значит, появляется Другой, и в таком случае возникает и расширяется контекст формирования индивидуального самосознания.

5) Выявлено значение нарратива в процессе признания индивидом себя (самоидентификации, самопризнания) как Другого. Показано, что такой тип признания предполагает участие другого человека, а возможность для этого создает именно нарратив.

6) Уточняется место Другого в построении автобиографического нарратива. Подчеркивается, что именно через категорию «признания» человек от эпистемологического контекста (знания о себе, выражаемого в нарративе) переходит к онтологическому: он утверждает себя, свой собственный бытийный статус – через автобиографический нарратив.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования

Полученные результаты могут найти применение при дальнейшей разработке эпистемологических проблем самосознания, самоидентификации, а также в области методологии гуманитарных наук. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке и чтении специальных курсов по эпистемологии, истории и методологии социогуманитарного знания. Кроме того, результаты исследования могут быть применены

в качестве теоретического уточнения и методологического сопровождения нарративной практики и нарративной терапии.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Процесс становления самосознания включает в себя три взаимосвязанных этапа (самопереживание, формирование индивидуальной памяти и конструирование образа Я), в которых каждый последующий охватывает и сохраняет предыдущий. Именно нарратив обеспечивает их преемственность. Самосознание, выражаемое в автобиографическом нарративе, составляет фундамент для человеческой самоидентичности, самоописания и конструирования образа Я.

2) Эпистемологическая специфика нарратива заключается в возможности выражения человеком своего знания о себе. Нарратив (автобиографический, а также исходящий от Других) предстает как предметность и средство формирования самосознания.

3) Конструктивный реализм является методологически эффективным подходом при исследовании эпистемологического статуса «нарративного» самосознания: любая конструкция (в том числе образ индивидуального Я) предполагает реальность, в которой она осуществляется. Только в рамках конструктивного реализма становится возможным исследование самообмана в автобиографическом нарративе.

4) «Нарративизация» самосознания происходит в процессе повествования о себе и для себя и для Другого, причем роль Другого может взять на себя автор нарратива (Я как Другой). Несмотря на различие возможных форм самоидентификации, именно нарративный аспект признания играет ключевую роль в трансляции индивидом знания о себе, собственного самосознания – Другому.

5) И автор нарратива, и Другой стоят на активных позициях в построении автобиографического нарратива. Через категорию «признания» человек от эпистемологического контекста (знания о себе, выражаемого в нарративе) переходит к онтологическому: он транслирует себя, бытийный статус своего самосознания через автобиографический нарратив. Рассказывая о себе Другому, признавая его и будучи признанным, говоря правду, выдумывая (отталкиваясь при этом от собственного знания о себе), человек тем самым постулирует себя.

Апробация результатов научного исследования

Основные положения диссертационного исследования изложены в 18 публикациях общим объемом 8,05 п. л., из них 5 статей в журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (3,05 п. л.).

Основные положения и выводы исследования получили освещение в научных публикациях автора, а также в его выступлениях с докладами: «Дневник как

эпистемологическое основание исторического исследования («История историка» А. Я. Гуревича)) (конференция «Маргиналии–2014: границы культуры и текста», Елец, 5–7 сентября 2014 г.); «Феноменологические и герменевтические аспекты проблемы-Я (Гуссерль и Г. Г. Шпет)» (Международная школа молодого философа «Философия в публичном пространстве», Москва, 20–21 ноября 2014 г.); «Значение исторической памяти и нарратива для становления культурно-исторического сознания» (12-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания: историческая память народа», Москва, Махачкала, 21–24 апреля 2015 г.); «Авторство как эпистемологическая проблема: между философией и литературой» (III конференция российских и турецких философов «Философия и литература: философия в литературе, литература в философии», Стамбул, 25–26 мая 2015 г.); «“Признание” как словесный феномен: Густав Шпет и Поль Рикёр» (Международная научная конференция «Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков», Томск, 1–7 июня 2015 г.); «Нарратив в экзистенциальных текстах Федора Степуна» (конференция «Русский европеец: Федор А. Степун (1884–1965)», Дрезден, 18–19 сентября 2015 г.); «“Признание” как форма выбора: Густав Шпет и Поль Рикёр» (конференция «Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения», Москва, 27–28 октября 2015 г.); «Достоинство автобиографии (по материалам “опыта о человеке” Э. Кассирера)» (Всероссийский форум с международным участием «Интеллектуальный Ростов: журнал “Вопросы философии” в Южном федеральном университете», Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2016 г.); «Самосознание и автобиографический нарратив» (конференция «Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук», Москва, 5–6 октября 2016 г.); «Место реконструкции в автобиографическом нарративе (на материалах Ф. Лежёна)» («круглый стол» «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания» в рамках Всероссийской научной конференции «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий», Вологда, 2–3 июня 2017 г.); «Нарратив в медиaprостранстве» (Всероссийская конференция молодых ученых «Медиарациональность: технологии конструирования», Санкт-Петербург, 27–28 октября 2017 г.); «Нарративный подход к исследованию Я (эпистемологическая проблема)» (Школа молодых ученых «Субъект, сознание и познание в контексте современной философии и когнитивных наук», Москва, 7–8 ноября 2017 г.)

Работа над данным исследованием также велась в рамках следующих научных проектов, поддержанных разными научными фондами и организациями: 2013–2014 гг. – РФФИ, проект № 13-33-01259 «Методологические стратегии гуманитарного познания: историзм, герменевтика, междисциплинарный синтез» (исполнитель гранта); 2014–2016 гг. – РФФИ, проект № 14-03-00399 «Феноменологические штудии Густава Шпета как основа его

“философской жизни” (историко-философская реконструкция архива). Книга 11» (исполнитель гранта); 2014–2016 гг. – РФФИ, проект № 14-03-00587 «Достоинство знания: ценностные основания культурно-исторической эпистемологии» (исполнитель гранта); 2016–2018 гг. – РФФИ, проект № 16-03-00704 «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ» (исполнитель гранта); 2016–2018 гг. – РФФИ, проект № 16-18-10229 «Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте взаимодействия философии и когнитивных наук» (исполнитель гранта).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка литературы. Общий объем диссертации составляет 133 с. (5,5 п. л.). Список литературы насчитывает 264 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, формулируется цель и основные задачи, приводится характеристика теоретико-методологических оснований работы, указываются ее источники, освещается научная новизна, раскрывается теоретическая и практическая значимость исследования. Формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные по апробации результатов исследования.

В первой главе **«Роль нарратива в построении образа Я»** делается акцент на анализе существующих трактовок понятия самосознания в философских и психологических исследованиях, представлено понимание самосознания как самопереживания, как индивидуальной памяти и как образа Я. Феномен нарратива рассматривается как один из важнейших аспектов формирования и дальнейшего выражения самосознания в акте наррации. Особое место в исследовании занимает автобиографический нарратив, поскольку, именно повествуя о себе, человек соединяет и выражает и собственное переживание, и воспоминания, и свое Я. В главе обосновывается, что методологическим основанием, открывающим перспективу анализа познавательных аспектов указанных функций автобиографического нарратива, является концепт «автобиографический пакт», введенный Ф. Лежёном. В главе также рассматривается и оценивается перспективность современных реалистических и конструктивистских методологических стратегий в подходе к нарративному самосознанию и к феномену самообмана.

В первом параграфе **«Самосознание как самопереживание, как индивидуальная память и как образ Я»** прослеживается ряд релевантных к теме диссертационной работы трактовок специфики и становления самосознания. Отмечается, что в психологии рассматривают самосознание личности, самость; в социологии объектом исследований становятся саморепрезентация и самосознание как индивидуальных, так и коллективных (народ, нация) субъектов; в философии предмет самосознания проблематизируется (существует множество направлений, доказывающих/опровергающих его существование). При этом в понимании самосознания проявляются когнитивные, познавательные моменты, когда собственное сознание становится особым предметом размышлений и осмысливается через рефлексию. В классической эпистемологии самосознание рассматривается как «сознание существования собственного Я и принадлежащих ему состояний сознания». У Декарта оно выступает в качестве достоверного, несомненного знания, перекликаясь во многом с предыдущими философскими направлениями («Si fallor, sum» Августина). Фактически продолжая эту установку Декарта, писал о самосознании и И. Кант, выделяя эмпирическое и трансцендентальное самосознание (самосознание как внутренний опыт и самосознание общего Трансцендентального субъекта). Что же касается более поздних

философских концепций, то уже у П. Рикёра самосознание фигурировало как фундаментальная человеческая способность отображения себя самого во всяком познавательном акте, в любом явлении субъективной реальности. И опирается Рикер при этом на язык.

В параграфе также подчеркивается: чтобы глубже понять особенности самосознания человека в его эпистемологических аспектах и выделить при этом специфику формирования его Я, необходимо принять во внимание особенности типов памяти, участвующих в этом процессе. Это прежде всего тип памяти, связанный с саморефлексией и осмыслением событий собственной жизни, в специальной литературе он фиксируется как «автобиографический» (Дж. Ф. Килстром). Особенность автобиографической памяти заключается в том, что она влечет за собой самореференцию, хронологическую организацию и понимание причинно-следственных связей, что, в свою очередь, позволяет человеку иметь сознательные воспоминания, выражать их в терминах знания, чувствования или верования. В межличностных отношениях автобиографическая память также является важным компонентом ментальной саморепрезентации, то есть самосознания. Хотя автобиографическая память индивидуальна и принадлежит отдельному человеку, однако ее применение в социокультурном пространстве зачастую влечет ответственность и этические обязательства перед другими людьми. Человек зависит от образа индивидуального Я, создаваемого им самим и окружающими. Что, очевидно, предполагает и эпистемологическую оценку этого образа.

В параграфе формулируется мысль о том, что процесс становления индивидуального самосознания включает в себя три взаимосвязанных этапа (самопереживание, формирование индивидуальной (автобиографической) памяти и создание образа Я). При этом именно нарратив выступает в качестве связующего звена, обеспечивающего преемственность данных этапов, и, соответственно, создает возможность для эпистемологического осмысления этого процесса. В этом плане особого внимания заслуживает нарратив автобиографический, поскольку момент выражения в акте автонаррации самосознанием себя самого составляет фундамент для человеческой самоидентичности, самоописания и образа индивидуального Я. Здесь в поле данного исследования попадают когнитивные процессы, связанные непосредственно с жизненным опытом человека.

Во втором параграфе **«Автобиографический нарратив и образ Я. Роль рассказов о себе, исповедей и дневников в формировании индивидуального самосознания»** анализируется соотношение автобиографического нарратива и образа индивидуального Я, раскрывается эпистемологическая специфика автобиографического нарратива.

С этой целью диссертант обращается к работам Р. Барта и Ж. Женетта. Барт указывает на множество жанров, в которых повествование может быть выражено (артикулировано)

в языке, Женетт выявляет три основных значения повествовательного дискурса (*discours du récit*)³. Первое значение – наиболее употребляемое: рассказ как устное или письменное повествование об одном или нескольких реальных событиях. Иначе говоря, это повествовательный текст, «повествование как дискурс» (по Ц. Тодорову). Второе значение, менее распространенное: рассказ как последовательность событий, реальных или вымышленных. Здесь рассказ приравнивается к «повествованию как истории». Третье, по Женетту: рассказ как событие, но не событие, о котором рассказывают, а повествовательный акт как таковой. Повествовательный дискурс создается в акте говорения, в акте изложения чего бы то ни было. Используя предложенную Женеттом структуру соотнесения значений повествовательного дискурса, диссертант раскрывает в данном параграфе теоретико-познавательные аспекты автобиографического нарратива. Человек рассказывает самому себе (как Другому) о себе, и в процессе этого повествования возникает повествовательный текст (первое значение, по Женетту), с одной стороны, фиксирующий самосознание автора для него самого, и с другой, позволяющий исследователям постигать и оценивать истинность истории жизни автора повествования (второе значение, по Женетту). Нарратив (и автобиографический, и исходящий от Других) предстает как акт, как предметность и как средство формирования самосознания, становления образа Я.

При этом обращение автора диссертации к введенной Лежёном идее «автобиографического пакта» позволяет поставить вопрос об эпистемологическом статусе автобиографического нарратива. Через автонаррацию человек не только осознает себя по-другому (становится самосознающим), он фиксирует и знание о тех процедурах, с помощью которых он стал самосознающим. Для автобиографии, по определению Лежёна, характерна договоренность автора с самим собой и с предполагаемым читателем о том, что он будет говорить (писать) правду и только правду о себе и о происходящих событиях. Таким образом, заключение «автобиографического пакта» позволяет человеку зафиксировать собственное отношение к себе и к миру, а стало быть, открывает возможность выражения человеком в нарративе своего знания о себе. Акцентируя в параграфе этот момент автобиографического нарратива, диссертант эксплицирует его эпистемологическую

³ В английском издании (*Genette G. Narrative Discourse / Trans. By J. E. Lewin. Foreword by J. Culler. Oxford: Basil Blackwell, 1980*) словосочетание *discours du récit* было переведено как *narrative discourse*. Таким образом, словесные различия между актом повествования (фр. *narration*) и рассказом как сюжетом (фр. *récit*) стерлись. Поэтому в русском переводе Женетта приводили в соответствующих местах в скобках французское написание *récit*, чтобы избежать терминологической путаницы.

Об особенностях современного использования понятия «narrative» пишет и С. Н. Зенкин, различая 1) нарратив как процесс рассказывания и 2) нарратив как содержание рассказывания (сюжет) и констатируя, что в современных исследованиях термин «нарратив» используется именно во втором смысле. Эту тенденцию С. Зенкин оценивает критически.

специфику. Вопрос о соответствии этого знания о себе реальности, о том, насколько излагаемый образ Я относится к самому автору автобиографии, рассматривается в следующем параграфе диссертационной работы.

Третий параграф **«Реализм и конструктивизм в подходе к нарративному самосознанию. Как возможно сочетание искренности и самообмана в автобиографических нарративах?»** является логическим продолжением предыдущего параграфа. Автор ставит вопрос: возможна ли верифицируемость автонарративов, то есть можно ли убедиться, что через акт автонаррации человек в самом деле конституирует собственное самосознание и осознает реальность содержания нарратива? В эпистемологическом плане данная проблема обозначает границу между реализмом и конструктивизмом в подходе к нарративному самосознанию.

В настоящее время все бóльшую популярность приобретают две философско-методологические стратегии познания, лежащие в основании ряда научных подходов в современной эпистемологии. Эти стратегии – реализм и антиреализм, интерпретирующие феномены познания, сознания и самосознания в определенных смыслах. Особенности данных стратегий необходимо учитывать при попытке анализа соотношения самосознания и автобиографического нарратива. По мнению диссертанта, методологически продуктивным для работы с такого рода материалом можно назвать направление конструктивного реализма, поскольку он позволяет фиксировать ошибки в процессе самопознания. Что подводит к осмыслению чрезвычайно сложной проблемы самообмана.

Диссертант обозревает в параграфе трактовки данной проблемы и констатирует эффективность для ее адекватной постановки соотнесение с тематикой автобиографического нарратива. Известный отечественный психолог В. В. Знаков подчеркивает малоизученность феномена самообмана, называя его особым случаем аутокоммуникации. Он описывает его как момент, когда во внутреннем диалоге обманывающий и обманываемый оказывается одним и тем же лицом. В отличие от В. В. Знакова, Д. И. Дубровский подчеркивает, что при работе с феноменом обмана необходимо различать действие и результат. Он выделяет три типа субъектов: тот, кто обманывает (обманывающий), тот, кого обманывают (обманываемый), и тот, кто оказывается обманут (обманутый). Т. Метцингер сосредотачивается на социальном аспекте самообмана; он подчеркивает успешность самообмана как стратегии в случае, если необходимо обмануть в первую очередь Другого. Эволюционный биолог Р. Триверс придает самообману особое значение в поведении и животных, и человека. Но особенно интересен в контексте данного исследования феномен самообмана в автобиографическом нарративе, поскольку, во-первых, под вопросом оказывается искренность автора перед аудиторией и, во-вторых, искренность автора нарратива – перед самим собой.

Если рассматривать самообман с двух вышеописанных позиций – реализма и конструктивизма, – возникнет два совершенно разных ответа, ни один из которых не закрывает вопрос о самообмане и искренности до конца. Однако в диссертации подчеркивается: изучая эпистемологический статус «нарративного» самосознания с точки зрения конструктивного реализма, можно констатировать, что любая конструкция (в том числе образ индивидуального Я) предполагает реальность, в которой она осуществляется. Что, таким образом, открывает возможность конкретного исследования самообмана, основанного на апелляции к выраженной в языке реальности.

В главе 2 **«Я и Другой в нарративном самосознании»** раскрывается тематика Другого в рамках исследований соотношения самосознания и автобиографических нарративов в аспекте эпистемологии. Подчеркивается, что нарративизация самосознания дает возможность вырваться за пределы самозамкнутого субъекта, что позволяет ввести в исследование фигуру Другого и очертить ее значимость в становлении индивидуального самосознания. Кроме того, выявляется значение нарратива в процессе признания индивидом себя (самоидентификации, самопризнания) как Другого. В главе уточняется место Другого в построении автобиографического нарратива, анализируется понятие «признания» в данном контексте. Именно благодаря категории признания человек от собственно эпистемологического (знания о себе, выражаемого в нарративе) переходит к онтологическому: он постулирует себя, свой собственный бытийный статус, рассказывая Другому о себе, даже если этот Другой – он сам.

В первом параграфе главы 2 **«Нарративное самосознание как рассказ для себя и рассказ для Других»** важное место занимает мысль о том, что обсуждение приведенной в предыдущей главе тематики самосознания и самообмана предполагает расширение контекста формирования индивидуального самосознания. Этот контекст культурный, социальный, психологический, исторический. Нарратив может быть сверен, проверен, подвергнут сомнению благодаря соотнесению его с внешней реальностью и определенным контекстом – куда входит и Другой. Соответствует ли реальности нарратив или нет, но он всегда направлен на Другого. Нарративное самосознание рассматривается как повествование и для себя, и для Другого, причем роль Другого может взять на себя автор нарратива (Я как Другой).

Автор автобиографического нарратива, говоря о себе, сам выступает в роли нарративной реальности, в виде некоего экзистенциального поля. Выделяются два типа анализа нарратива: первый, когда исследователь хочет понять внутренний мир автора; и второй – когда для исследователя важно, действительно ли соответствуют слова автора той реальности, о которой он это говорил. Индивидуальное самосознание, так или иначе, проникает в нарратив, и, даже пытаясь целенаправленно солгать, что-то изменить или

придумать в рассказе, автор так или иначе выдает и себя, и свою реальность (даже элементарно – на уровне языка и социокультурных деталей).

Обращаясь в данном проблемном контексте к теме идентичности, диссертант опирается на работы В. Декомба и П. Мессенжера, которые пытались ответить на вопрос: о ком мы говорим, когда говорим о себе? При этом феномен идентичности предстает в категориях социального и культурного, а исследования феномена самоидентификации и самопризнания так или иначе обращаются к нарративу как специфической форме выражения самопризнания. В параграфе этот тезис демонстрируется, в частности, на примере исследований М. Жильбера, который предлагает таким образом рассматривать концепт нарративной идентичности в работах Поля Рикёра. В качестве примера практики нарративного самосознания как рассказа для себя и для Другого можно привести метод нарративного интервью, появившийся в конце XX века. Данный метод предполагает формирование нарративного Я у рассказчика в процессе повествования. В данном случае это является хорошей иллюстрацией к стратегии конструктивного реализма; автор нарратива стремится к подлинности и к принятию Другим соответствия своего Я реальности (пусть это Я и конструируется в ходе интервью).

Во втором параграфе **«Эпистемологические аспекты “признания” как нарративного феномена»** диссертант в релевантном тематическом контексте обращается к концепту «признание». Сам термин в истории философии употреблялся в разных контекстах и в разных значениях. В наиболее близком к теме диссертационной работы термин «признание» употреблял П. Рикёр. При этом он указывал еще на ряд связанных с данным термином концептов соответствующей тематики: рекогнитивная способность узнавания (воспроизведение и узнавание в понятии – «Anerkennung» И. Канта), узнавание образов («Recognition») А. Бергсона, для которого узнавание возникает по ассоциации с конкретным восприятием, когда-то полученным в сочетании с данным образом. Ссылаясь Рикёр также на фихтеанское взаимодействие двух обладающих самосознанием субъектов. Но наиболее важным в контексте рассматриваемой темы, он считал гегелевское понимание признания – также Anerkennung, в котором особо выделяется повествовательно-социальная детерминация этого акта.

Опираясь на исследования П. Рикёра, диссертант подчеркивает: признание обусловлено нарративом. Оно может быть выражено и рассказано, понято и интерпретировано, принято или не принято. Признание понимается в двух аспектах: и признание себя как Другого (самопризнание), и признание индивида другими людьми. В ходе самоидентификации эти аспекты признания взаимодействуют (конфликтуют между собой, или взаимно дополняя друг друга), и их соотношение в значительной мере определяет характер самосознания Я.

Признание как акт интерпретации, акт истолкования предполагает развертывание самосознания в нарративе. Понять смысл признания себя как Другого индивид может лишь в том случае, если включит мнения других о себе в свой нарратив, в повествование о себе, то есть если представит это признание других как повествующих о нем внутри автонаррации и тем самым постулирует себя как Другого для себя и для Других. Так, даже в том случае, если автор дневника пишет его как исповедь, то есть пишет его исключительно для себя, а не для постороннего читателя, в тексте всегда присутствует более или менее явные апелляции к признанию Другого, которые как бы вклиниваются в повествование автора, пытающегося взглянуть на себя объективно. Что и открывает возможность для эпистемологической оценки текста, содержащего в себе самопризнание.

Автор диссертационной работы подчеркивает, что словесная форма признания имеет не только эпистемологический, но и онтологический смысл. Человек оправдывает свое существование в мире, поскольку признается Другим, это акт обоюдного признания. Более того, в процессе этого обоюдного признания происходит преобразование и Я, и Другого (именно сам Другой становится условием присутствия в Я представления о Другом) . Наконец, еще один важный смысл признания – потребность, интерес: через акт наррации человек удовлетворяет собственный интерес к Другому.

Таким образом, именно нарратив является смыслообразующим звеном акта признания. И, несмотря на многообразие форм осуществления самоидентификации, именно нарративный аспект занимает ключевое положение в процессе трансляции индивидом себя Другому. Нарратив обретает сегодня статус медиатора, статус массового посредника, расширяющего масштабы феномена признания (и в пространственном, и во временном планах). Что, естественно, инициирует появление целого ряда проблем, в том числе эпистемологических, связанных с прояснением роли признания в процессах становления самосознания Я как Другого.

В последнем параграфе диссертационной работы **«Активная роль Другого в построении рассказа обо мне. Кто автор моего нарратива о себе?»** автобиографический нарратив анализируется как сложное, текстуально оформленное, культурно-историческое свидетельство, в котором равно представлены и автор (нарратор, повествователь), и Другой (незримо присутствующий свидетель, как бы оценивающий правдивость повествования). Нарративы, рассказанные Другими и влияющие на автора в той или иной степени, можно условно разделить на три группы: нарративы, рассказанные Другими о самом человеке (имя, семья, детские эпизоды), нарративы общекультурные (легенды, сказки, нормы, и правила) и нарративы автобиографические, в которых так или иначе сплетается вся информация, которую человек получил благодаря социальным взаимодействиям, благодаря рассказам других, благодаря собственному анализу своей роли и своего статуса в мире. При этом

Другой может представлять в автобиографическом нарративе в трех ролях: как активный свидетель (именующий), либо как немой свидетель (представитель эпохи, человек массы), либо же как сам нарратор, рассказывающий о себе в третьем лице, или даже переименовывающий себя.

Диссертант подчеркивает: анализ автонарративов, рассказанных Другими, позволяет погрузить в исторический контекст проблематику становления самосознания индивида, выявить своеобразие этих процессов (например, идентификации и самоидентификации) в различных исторических эпохах. И в этом контексте особое значение приобретают как раз эпистемологические аспекты автобиографического нарратива. Такая эпистемологическая установка реализована в исследованиях историка-медиевиста А. Я. Гуревича, который полагал, что личность повествователя все-таки можно обнаружить в процессе исследования. В этом плане литературные произведения приобретают характер исторических эго-документов.

В автобиографическом нарративе происходит обоюдное «признание»: индивидуальное «Я» автора признается Другим, автор же признает Другого, что выражается в тексте на двух следующих уровнях: на эпистемологическом и на онтологическом. На эпистемологическом уровне человек осознает себя, свое имя, свою культурную и историческую идентичность, полученные от Другого, и это знание выражается в автобиографическом нарративе. На онтологическом же автор постулирует себя как существующего, поскольку существует признающий его Другой; человек транслирует самого себя Другому, утверждает онтологический статус своего самосознания с помощью автобиографического нарратива. Вне зависимости от того, говорит ли человек правду или выдумывает, он отталкивается от собственного знания о себе. А рассказывая о себе Другому, признаваясь и будучи признанным, человек тем самым постулирует себя.

В заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи автора в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК:

1. *Щедрина И. О.* Культурно-исторический подход А. Я. Гуревича к литературному произведению как источнику исторических знаний о личности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (24). – С. 137–142.
2. *Щедрина И. О.* Новые аспекты современной нарратологии (размышление над книгой) // Вопросы философии. – 2017. – № 9. – С. 82–90.
3. *Щедрина И. О.* «Признание» как нарративный феномен // Ценности и смыслы. – 2017. – № 5. – С. 53–62.
4. *Щедрина И. О.* Формирование образа Я в автобиографическом нарративе: эпистемологический аспект // Вестник РХГА. – 2017. – Т. 18. – № 4. – С. 115–120.
5. *Щедрина И. О.* Историческая реконструкция в гуманитарных исследованиях: методологические возможности и проблемы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 5–42 (соавт.: Загуменнов А. В., Сабанчиев Р. Ю., Кажаяева Н. А., Шушкина А. Г., Ратушина Д. В., Бендерский И. И., Мотовникова Е. Н., Ажимов Ф. Е., Микешина Л. А., Пружинин Б. И., Ольхов П. А., Даценко П. А., Щедрина Т. Г.)

Публикации автора в других научных изданиях:

6. *Щедрина И. О.* Дневник как эпистемологическое основание исторического исследования («История историка» А. Я. Гуревича) // Маргиналии–2014: границы культуры и текста. Сб. тезисов международной конференции. – М.: НИВЦ МГУ, 2014. – С. 118–119.
7. *Щедрина И. О.* Значение исторической памяти и нарратива для становления культурно-исторического сознания // Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. 21–24 апреля 2015 г. – Москва, Махачкала: Дельта-пресс, 2015. – С. 332–337.
8. *Щедрина И. О.* Историческая реальность и критицизм // Перспективы реализма в современной философии / Под ред. В. А. Лекторского. – М.: Канон+, 2017. – С. 423–440 (соавт. Б. И. Пружинин).

9. Щедрина И. О. Авторство как эпистемологическая проблема: между философией и литературой // III конференция российских и турецких философов «Философия и литература: философия в литературе, литература в философии» (Стамбул, 25–26 мая 2015 г.). URL: http://www.mirnas.ru/Avtorstvo_kak_epistemologicheskaya_problema_mezhdu_filosofiey_i_literaturoy (дата обращения: 15.05.2018).
10. Щедрина И. О. «Признание» как словесный феномен: Густав Шпет и Поль Рикёр // Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: Г. Г. Шпет / Comprehensio. Шестые Шпетовские чтения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – С. 448–457.
11. Щедрина И. О. Нарратив в экзистенциальных текстах Федора Степуна // Русский европеец: Федор А. Степун (1884–1965). – Дрезден: Издательство Дрезденского Технического университета, 2015. – С. 43–44.
12. Щедрина И. О. «Признание» как форма выбора: Густав Шпет и Поль Рикёр // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. Материалы Всероссийской научной конференции, 27–28 октября, 2015 г. – М.: Научная мысль, 2015. – С. 79–85.
13. Щедрина И. О. Достоинство самопознания: Ценностные аспекты когнитивных концепций «памяти» // Человек в истории. Методологические тетради по культурно-исторической эпистемологии / Под ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 22–31.
14. Щедрина И. О. Достоинство автобиографии (по материалам «опыта о человеке» Э. Кассирера) // *Studia Culturae*. – 2016. – Т. 4. – № 30. – С. 108–112.
15. Щедрина И. О. Нарратив как эпистемологический феномен // Человек в истории. Методологические тетради по культурно-исторической эпистемологии / Под ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 41–56.
16. Щедрина И. О. Принцип реконструкции в методологическом сознании историков XX века (по материалам А. Я. Гуревича) // Человек в истории. Методологические тетради по культурно-исторической эпистемологии / Под ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 171–177 (соавт. Т. Г. Щедрина).
17. Щедрина И. О. Самосознание и автобиографический нарратив // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. Доклады и

выступления конференции / Общ. ред. и сост. В. А. Лекторского, Е. О. Труфановой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2017. – С. 199–206.

18. *Щедрина И. О.* Нарративный подход к исследованию Я (эпистемологическая проблема) // Субъект, сознание и познание в контексте современной философии и когнитивных наук / Под ред. Е. О. Труфановой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2017. – С. 67–68.